

"Я еду иду..."

Группа «Браво» и ее солистка Жанна Агузарова в рекомендациях не нуждаются. Молодые музыканты (а ребята действительно очень молоды) «взбрались» по лестнице популярности так стремительно, что мы толком не успели ничего о них узнать. Кто такие? Откуда? Последний вопрос, кстати, для нас интересен особенно. Уверен, большинство поклонников «Браво» понятия не имеют, что Агузарову, например, можно смело считать нашей землячкой.

Впрочем, лучше, если об этом расскажет она сама.

— Да, пожалуй, мы земляки. Родилась я вообще-то не здесь, но в пятилетнем возрасте привезли меня к бабушке. Живет она (до сих пор, кстати) в Колывани. Я тут выросла. Ходила в детский сад и начальную школу. Потом мы жили в селе Боярка (здесь же, в Колыванском районе). Там я и училась с третьего по седьмой класс. Затем, правда, мои родители уехали в Тюменскую область, но года через два я снова вернулась в Колывань и там заканчивала десятый класс. Такие вот дела. У меня до сих пор здесь подруги живут.

— Итак, давайте с самого начала. Как вы, собственно, запели?

— А я не знаю. Сколько себя помню, столько и пела. И в детском саду, и в школе.

Правда, в школе в ансамбль меня не брали. Там у нас была девочка (прима) очень красивая и пела хорошо. Звали ее Нина, а вот фамилии не помню уже. Меня не брали, а я так хотела петь. Нет, я, конечно, что-то там пела («Арлекино», например), но в основном для себя. И со временем как-то забыла об этом. А основная моя мечта была стать драматической актрисой. Какое там пение? О нем я всерьез и не думала даже.

В общем, поехала в Москву. поступила в ГИТИС. Но проучилась там совсем чуть-чуть, самую малость. Бросила и институт. Это вообще-то отдельный разговор. Тяжелое было время. Нам не давали прописки, пали нее я поступила в какое-то малярное ПТУ, потом работала в совхозе...

Но петь по-прежнему очень любила, просто под рояль, поизыгрывать что-нибудь. Как-то один мой приятель говорит: «Слушай, а что если тебе попробовать всерьез?». И дал мне телефон Жени Хафтана, нынешнего руководителя «Браво» (ребята тогда искали вокалистку). Я позвонила. Приходите, говорит, послушаем. Пришла, посмотрела: ну, думаю, школьный ансамбль, а я девочка уже взрослая (так мне казалось тогда), но когда мне дали в руки маленький такой микрофончик, я была так рада. Я запела там, заголосила какую-то импровизацию, блюзовую, по-моему. В общем, мы друг другу понравились, хотя ничего определенного мне не сказали.

И я недели на две исчезла. В это время я писала стихотворение «Желтые ботинки». Гуляла по набережной. И знаете, «заболела» 60-ми годами. Той атмосферой (мебель, мода — внешние какие-то приметы времени), что я там нашла для себя интересное. Словом, я на какое-то время забыла о своих плахах. Но ребятам все же позионила. Приходи, говорят, ты нам подходишь. Я пришла, принесла текст «Желтых ботинок». Женя принес муз. И получилась песня. Потом репетиции, выступления. Об этом можно долго рассказывать.

— Я знаю, что на профессиональной сцене вы совсем недавно, года полтора-два.

— Понимаете, еще когда мы были самодеятельной группой, нас, в общем-то, уже многие знали. Официальных записей на студиях, конечно, не было. Но были магнитофоны, фонограммы, довольно качественные, кстати. Они разошлись, их слушали. И потом у нас были различные публичные выступления. Рок-панорама-86, концерт на счет № 904 (чернобыльский счет) — большой концерт с 30-тысячной аудиторией, около 30 телекомпаний съехались со всего мира. В общем, нас заметили. В нашу сторону повернулись профессионалы. И вот вокруг нас стали кружиться люди из филармоний. Интересная группа? Значит, в сборо-ре. И заставили нас быстро-ко-быстро делать деньги. Поймите меня правильно. Ничего лурного я сказать не хочу. У них план, любая филармония должна приносить доходы. Все правильно. Другое дело — как выдержать эту «миссрубку» самим музыкантам. У нас, правда, определенная закалка была. Не хочу сказать, что мы прошли там огонь, воду и еще что-то. Но нон-ничками не были. И поработали уже

прилично на самых разных уровнях, и в конфликтных ситуациях побывали. Да, собственно, через это многие нынче признанные музыканты прошли («Машину времени», «Аквариум» и другие).

— Все мы помним времена, когда рок-музыка была у нас музыкой практически нелегальной. Не кажется ли, что сейчас у нас другая крайность: рок играют все? Кто может и кто не может. Как вы вообще оцениваете процессы, происходящие сейчас в мире популярной музыки? Я говорю о музыке советской.

— Да, многие сейчас выходят на сцену и обманывают. Играют пошлость. Работают часто под фонограмму. Костюмы отвратительные, все ужасное, текстов нет, ничего нет... Они зарабатывают деньги. Сами себе не верят. Пустые они. Испортят вкус людям. Отсюда и мнение: «А, рок-музыка? Глупость и ерунда все это...».

Сейчас, наконец-то, настало время, когда у людей есть возможность самим разобраться, что плохо, что хорошо.

— Человек вы популярный. На самом гребне, можно сказать. Чувствуете ли вы себя звездой?

— С детского сада любила быть в центре внимания. И те дети, которые ходили со мной в детский сад, а сейчас уже стали взрослыми, если прочтут, скажут: «Па, точно!». С пятилетнего возраста стремилась быть на виду: пела, танцевала, драчилась.

— Слушаю ли вы свои фонограммы в свободное время?

— Вот этого стараюсь не делать.

— Почему?

— Потому, что начинаю переживать, думать, сомневаться. Мне хватает концертной нервотрепки.

Правда, иногда все же слушаю новые песни. А потом ведь и так бывает: включешь радио — пою; телевизор — тоже. Господи, думаешь, что же это такое! Нет, в самом деле у меня так было. Два раза.

— Как вы относитесь к своей популярности? Простите за некоторую «дезуриность» вопроса, но все всегда отвечают по-разному и, как правило, весьма интересно.

— Популярность, по-моему, нравится всем. И мне тоже. Я не понимаю другого: когда известных людей начинают обсуждать с ног до головы. Я не понимаю, например, всех этих пересудов о Пугачевой. Некоторыми отрицаются в ней буквально все: «Что это такое? Какой ужас? Эти волосы? Что она такое надела?!». И так далее. Я, кстати, с этими вещами тоже немного знакома.

Только вот что удивительно. И то у Пугачевой не так, и это, а на концерт к ней попасть невозможно, независимо от вместимости зала.

Что касается меня, то я не считаю себя такой уж «страшно популярной». Понимаете, я еще иду к людям. Только к двери подошла. Ключика пока нет. Но они уже чувствуют, что я иду, слышат. И мне приятно это.

Интервью взял В. КОЛОМИЙЧУК.